

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 6
2019

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 6 2019

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук А.Г. Ситдиков

Ответственный редактор:

докт. ист. наук И.Л. Измайлов

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Ситдиков А.Г., д.и.н. (Казань); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Галимова М.Ш.**, к.и.н. (Казань); **Чижевский А.А.** к.и.н. (Казань); **Иванов В.А.** д.и.н. (Уфа); **Боталов С.Г.** д.и.н. (Челябинск); **Голдина Р.Д.** д.и.н. (Ижевск).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агенство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

© ООО «Поволжская археология», 2019

© Академия наук Республики Татарстан, 2019

© Журнал «Археология евразийских степей», 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmaylov**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Izmaylov Iskander L.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Galimova Madina Sh.** Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Ivanov Vladimir A.** Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Botalov Sergei G.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Goldina Rimma D.** Doctor of Historical Sciences. (Izhevsk).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Петрович Казаков: к 85-летию юбилею известного казанского археолога. Основные труды Е.П. Казакова	9
Голдина Р.Д. (<i>Ижевск, Россия</i>) О Евгении Петровиче Казакове	21
Чижевский А.А. (<i>Казань, Россия</i>) Евгений Петрович Казаков и археология Ананьинской историко-культурной исторической области	28
Иванов В.А. (<i>Уфа, Россия</i>) Вклад Е.П. Казакова в решении угорской проблемы в археологии Урало-Поволжья	42
Хузин Ф.Ш. (<i>Казань, Россия</i>) Старейшина татарской археологии (85-летию Е.П. Казакова)	47
Скаков А.Ю. (<i>Москва, Россия</i>), Джопуа А.И. (<i>Сухум, Республика Абхазия</i>) Исследование могильника на горе Джантух (некоторые итоги)	53
Подосенова Ю.А., Данич А.В. (<i>Пермь, Россия</i>) Височные украшения Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры	61
Семькин Ю.А., Гисматуллин М.Р. (<i>Ульяновск, Россия</i>), Крылов Ю.В. (<i>Сенгилей, Россия</i>) Борисов А.Е. (<i>Ульяновск, Россия</i>) Клад раннесредневековых артефактов из Сенгилеевского района Ульяновской области	79
Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Новые данные о болгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Татарстане)	95
Крыласова Н.Б. (<i>Пермь, Россия</i>) Об одном из декоративных элементов мужского пояса XI в. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае)	111
Крыласова Н.Б., Белавин А.М. (<i>Пермь, Россия</i>) Эволюция «прикамской чаши» в эпоху средневековья	121
Боталов С.Г. (<i>Челябинск, Россия</i>) Зауральская угорская ойкумена эпохи средневековья	138
Исхаков Д.М. (<i>Казань, Россия</i>) Средневековая иштякская общность Приуралья и Зауралья: источниковедческий и конкретно-исторический анализ	160
Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Салугина Н.П. (<i>Самара, Россия</i>) Керамика из погребений Жигулевского II грунтового могильника: морфология и технико-технологический анализ	177
Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>) Болгарская археологическая культура: структура и содержание понятия	198
Жилина Н.В. (<i>Москва, Россия</i>) Реконструкции убора из украшений для периода ранней истории Волжской Булгарии	223
Мухаметшин Д.Г. (<i>Болгар, Россия</i>) Восточные, западноевропейские и иноземные монеты из Болгар. Периодизация их проникновения	240
Губайдуллин А.М. (<i>Казань, Россия</i>) О болгарских городищах Западного Закамья	252
Баранов В.С., Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>) К вопросу об атрибуции перстня из раскопок в Болгаре 2010 года	260
Степанов Р.А. (<i>Казань, Россия</i>), Бадеев Д.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Створка литейной формы из раскопа СХСII Болгарского городища	277
Недашковский Л.Ф. (<i>Казань, Россия</i>) Керамика с Увекского городища по архивным данным	283
Беляев А.В., Абдуллин Х.М., Сайфутдинова Г.М., Ситдииков А.Г. (<i>Казань, Россия</i>) Археологические и междисциплинарные исследования мусульманского кладбища «Биш-Балта» Адмиралтейской слободы Казани в 2017 г.	300

Гончарова Н.Н., Конопелькин Д.С. (Москва, Россия) Процессы сложения антропологических особенностей городского населения Центральной России в XVI – XVIII вв.	314
Данилова С.А. (Севастополь, Россия) Некрополь базилики “Крузе” по данным антропологии	334
Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. (Пенза, Россия) Население Пензы XVI – XVIII вв. по данным краниологии	337
Список сокращений	358

CONTENS

Evgeny Petrovich Kazakov. The 85th Anniversary of a Renowned Kazan Archaeologist. Major Works by E.P. Kazakov.	9
Goldina R. D. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Evgeny Petrovich Kazakov	21
Chizhevsky A.A. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Evgeny Petrovich Kazakov and the Archaeology of Ananyino Cultural and Historical Area	28
Ivanov V.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) The Contribution of E.P. Kazakov: to the solution of the ugrian problem in the archeology of the Ural-Volga region	42
Khuzin Fayaz Sh. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Honoured Figure in Tatar Archaeology (85th Anniversary of E.P. Kazakov)	47
Skakov A. Yu. (<i>Moscow. Russian Federation</i>), Dzhopua A.I. (<i>Sukhum, Republic of Abkhazia</i>) Study of a Buryal Ground on Mount Dzhantukh (Summary Results)	53
Podosenova Yu. A., Danich A. V. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Temple Accessories of Bayanovskiy Burial Ground of the Lomovatovskaya Archaeological Culture	61
Semykin Yu.A., Gismatulin M.R. (<i>Ulyanovsk, Russian Federation</i>), Krylov Yu.V. (<i>Sengiley, Russian Federation</i>) Borisov A.E. (<i>Ulyanovsk, Russian Federation</i>) Hoard of Early Medieval Artifacts from the Sengileyevsky District of Ulyanovsk Oblast	79
Rudenko K.A. (<i>Kazan Russian Federation</i>) New data on bulgarian houses of pre-mongol time (on materials of the Ostolopovsky settlement in Tatarstan)	95
Krylasova N.B. (<i>Perm, Russian Federation</i>) One of the Decorative Elements of a 11th Century Men's Melt (Based On Materials from Rozhdestvensky Burial Ground in Perm Region)	111
Krylasova N.B., Belavin A. M. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Evolution of "Prikamskaya Bowls" in the Middle Ages	121
Botalov S.G. (<i>Chalyabinsk, Russian Federation</i>) Trans-Ural Ugric Oecumene of the Middle Ages	138
Iskhakov D.M. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Medieval Ishtyak Community of Cis-Urals and Trans-Urals: historiographic and concrete historical analysis	160
Stashenkov D.A., Kochkina A.F., Salugina N.P. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Ceramics from the Burials Zhiguli II Ground Burial: morphology, technical and technological analysis	177
Izmaylov I.L. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Bolgar Archaeological Culture: concept structure and content	198
Zhilina N.V. (<i>Moscow. Russian Federatiom</i>) Reconstructions of the Attire of Adornments of the Early Historical Period of Volga Bulgaria	223
Mukhametshin D.G. (<i>Bolgar, Russian Fedeation</i>) Oriental, Western European and Foreign Coins from Bolgar. Periodization of Distribution ...	240
Gubaidullin A.M. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Bolgar Settlements of Western Trans-Kama Region	252
Baranov V.S., Izmaylov I.L., (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) On Attribution of a Signet Ring from Bolgar Excavations of 2010	260
Stepanov R.A. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>), Badeev D.Yu. (<i>Moscow. Russian Federatiom</i>) Casting Mould Leaf from Excavation CXCII at Bolgar Settlement	277

Nedashkovsky L.F. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Ceramics from Uvek Settlement on the Basis of Archival Materials	283
Belyaev A.V., Abdullin Kh. M., Sayfutdinova G. M., Sitdikov A. G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Archaeological and Interdisciplinary Studies of Bish-Balta Medieval Muslim Cemetery in Admiralteyskaya Slodboda of Kazan in 2017	300
Goncharova N.N., Konopelkin D.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Formation of Anthropological Features of Central Russia Urban Population in 16th-18th Centuries	314
Danilova S.A. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>) “Kruse” Basilica Necropolis on the Basis of Anthropologic Data	334
Ikonnikov D.S., Kalmin O.V., Kalmina O.A. (<i>Penza, Russian Federation</i>) Penza Population in 17th – 18th Centuries on the Basis of Craniology Data	337
List of Abbreviations	358

УДК 903.023

<https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00084>

ЭВОЛЮЦИЯ «ПРИКАМСКОЙ ЧАШИ» В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ¹

©2019 г. Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин

Средневековая керамика Пермского Предуралья обладает яркими характерными особенностями, выделяющими ее из керамики соседних синхронных культур. Наиболее распространенной формой посуды являлись лепные приземистые сосуды – чаши – с округлым туловом, выпуклыми стенками, блоковидной шейкой и отогнутым наружу прямо срезанным венчиком. Эта форма была наиболее устойчивой и сохранялась на протяжении всей эпохи средневековья. Но отличительными особенностями «прикамской чаши» в период ломоватовской культуры V–XI вв. являлись округлое дно, использование грубого материала, оставляющего «расчесы», для обработки бытовой посуды, оформление венчиков защипами, преобладание шнура-гребенчатой орнаментации в оформлении столовой и ритуальной посуды, наиболее характерным элементом которой были «подковки». Для чаш последующей родановской культуры характерно уплощенное или плоское дно, заглаживание поверхности исключительно мягким материалом, преобладание гребенчатой орнаментации с использованием рельефных наlepных элементов, наличие петельчатых ручек. Однако такие общие характеристики, как состав формовочных масс с преобладанием примеси толченой раковины, ручной способ лепки, костровой обжиг, сохранение приземистой формы чаш, могут свидетельствовать о преемственности гончарных традиций ломоватовской и родановской культур.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха средневековья, ломоватовская культура, родановская культура, керамика, «прикамская чаша».

Керамика, включая форму, технику изготовления и систему орнаментации посуды, является одним из ведущих элементов для выделения какого-либо комплекса в отдельную археологическую культуру (Генинг, 1976, с. 9).

Так сложилось, что средневековая керамика Пермского Предуралья специально не исследовалась. Она в общих чертах охарактеризована в обобщающих трудах, посвященных ломоватовской (Голдина, 1985, с. 94–98) и родановской (Оборин, 1970, с. 10–14; 1999, с. 276) средневековым археологическим культурам. Более детально изучена бытовая и погребальная посуда памятников верховьев Камы (Голдина, Кананин, 1989, с. 44–60). В ряде публикаций рассматривалась керамика отдельных могильников – Агафоновского I (Голдина и др., 1980), Чазевского I (Мингалев, 2009), Огурдинского (Белавин, Крыласова, 2012), Запосельского (Крыласова и др., 2014), Плотниковского (Крыласова, Брюхова, 2017; Батуева, 2017); городищ – Шудьякар (Кананин, 1980), Пыскор (Васильева, Головачанский, 2004), Семинского (Мельничук, Скорнякова, 2007); селищ – Кудымкарского (А.Е. Теплоухов, 1884), Коновалытского (Поля-

ков, 1960), Пеньки (Мельничук, Соболева, 1988), Чашкинского II и Запоселье I (Крыласова и др., 2014; Юркова, 2014); Рождественского археологического комплекса (Белавин, Крыласова, 2008). Нами рассмотрено, прорисовано, реконструировано множество фрагментов посуды памятников разного времени и территориального расположения, это дает возможность, пока средневековая керамика Пермского Предуралья ждет своего исследователя, сделать некоторые обобщения, касающиеся одной из самых характерных форм посуды – *чаш*, – сохранявшейся на протяжении всей эпохи средневековья.

Выбор этой темы не случаен, поскольку Е.П. Казаков, юбилею которого посвящена статья, немало внимания уделял прикамской керамике (Казаков, 1987; 1989; 1992; 1994; 2007).

Характерна сама *форма сосудов*, получившая наименование «*прикамская чаша*» за счет *приземистых пропорций*, что неоднократно отмечалось исследователями, – высота сосудов обычно меньше диаметра наиболее раздутой части тулова. Даже у наиболее высоких сосудов высота примерно равна диаметру наиболее раздутой части тулова, они прин-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)».

ципиально не отличаются от «чаш», сохраняя приземистые пропорции, выделение их в категорию «горшков» носит формальный характер.

В период ломоватовской культуры до рубежа XI–XII вв. сосуды сохраняли традиционную *круглодонную форму* (рис. 1). Как писал М.В. Талицкий, «на протяжении почти двух тысячелетий керамика городищ <Прикамья> сохраняет чрезвычайно архаичные черты, свойственные культурам бронзы Восточной Европы». Круглое дно «отражает прежде всего долго сохраняющуюся примитивность быта, т. е. отсутствие столов, деревянных полов и полок, примитивность устройства очага, так как круглое дно сосуда приспособлено прежде всего к открытому костру, разводимому прямо на глиняном или каменном очаге» (Талицкий, 1951, с. 55). Но последние исследования показывают, что археологи XX в. излишне «примитивизировали» представления о жителях средневекового Пермского края. Согласно анализу остатков наземных жилищ ряда средневековых поселений Предуралья, уже в XI в. появились деревянные полы, столы, печи с плоским подом (Крыласова, 2016). Тем не менее до рубежа XI–XII вв. сохранялась традиционная круглодонная форма и ломоватовская орнаментация посуды, что служит одним из важнейших аргументов в пользу необходимости расширения хронологических рамок ломоватовской культуры до конца XI в. (Белавин, Крыласова, 2016). М.В. Талицкий отмечал, что в X в. керамика «полностью сохраняет традиции ломоватовского времени как в форме сосудов, так и в орнаментике» (Талицкий, 1951, с. 55). Е.П. Казаков писал: «исследователи полагают, что ломоватовская культура в середине или второй половине IX в. перерастает в родановскую. Однако если брать обряд и вещевой материал многих относимых к родановским могильникам X в., то мы не найдем существенных отличий их от ломоватовских памятников. Поэтому, как бы мы не называли их: ломоватовскими или раннеродановскими, то это будут те же ломоватовские памятники на позднем этапе» (Казаков, 1992, с. 249). Существенное пополнение источниковой базы, наличие хорошо датированных комплексов из могильников X–XI вв. позволяет переносить это утверждение и на материалы XI в., включая посуду. Появление деталей интерьера с плоскими поверхностями сделало посуду с круглым дном неудобной,

но консервативность традиций не позволяла вносить изменений в ее форму, даже слегка уплощить дно, чтобы сосуд приобрел устойчивость. Вместо этого в XI в. в употребление вошли специальные глиняные подставки в виде толстого кольца с широкой подошвой (рис. 2) (Крыласова, 2007, с. 32–35).

Для типичной «прикамской чаши» характерно *округлое тулово* с наибольшим расширением в средней части, плавно переходящее в блоквидную шейку средней высоты, которая, в свою очередь, плавно переходит к *отогнутому наружу венчику*. Диаметр по венчику равен или несколько меньше диаметра наиболее раздутой части тулова. Венчики преобладают прямо срезанные, изредка встречаются округлые или приостренные.

Описанная форма – наиболее стандартная, но в ней прослеживается вариативность, выражающаяся в большей или меньшей степени профилировки тулова. В результате выделяются сосуды с более раздутым туловом и несколько суженной горловиной, или сосуды со слабопрофилированным туловом, у которых шейка едва намечена.

Так, Р.Д. Голдина и В.А. Кананин, проанализировав керамические коллекции 12 поселений и 4 могильников, выделили по форме две группы сосудов. В группу I вошли чашевидные сосуды с шейками – именно те, которые мы сейчас рассматриваем (90,9% выборки). Группа разделена на типы по степени профилировки шейки: 1 – сосуды с четко отогнутой наружу шейкой (35,3%), 2 – с прямой или слабо отогнутой шейкой (43,3%), 3 – с наклонной внутрь шейкой (12%) (Голдина, Кананин, 1989, с. 45–46). Все эти сосуды, на наш взгляд, не выходят за рамки описанной формы, их деление на типы, возможно, не имеет принципиального значения, но не исключено, что в дальнейшем будет установлена связь выделенных типов с определенными территориями или временными периодами.

Р.Д. Голдина на основе анализа керамических коллекций 5 поселений охарактеризовала посуду ломоватовской культуры как «чашевидные... приземистые сосуды с округлым или слегка уплощенным дном. Вариации касаются преимущественно формы верхней части сосудов и определяются способом оформления шеек. В соответствии с этим показателем вся посуда разделена на 3 типа» (Голдина, 1985, с. 95). Первые два типа соот-

ветствуют рассматриваемой форме: «Тип 1 составляют довольно высокие сосуды с незначительной разницей диаметров по шейке и наиболее широкой части тулова. Они характеризуются чаще всего прямой или несколько отогнутой наружу шейкой, которая плавно переходит в тулово». Тип 2 – «сосуды средней высоты со значительным расширением в средней части тулова, небольшим, чаще всего суженным устьем иногда без четко выраженной или с короткой шейкой. Наиболее примечательной особенностью этого типа являются сосуды с резким расширением в средней части тулова, которое образует иногда острое ребро» (Голдина, 1985, с. 95). Посуда типа 1 на памятниках V–VI вв., по подсчетам Р.Д. Голдиной, составляла 40,5%, на памятниках VII–VIII вв. – от 10 до 35,3%. Посуда типа 2 на ранних памятниках составляла 44%, позднее стала преобладающей (53–57%) (Голдина, 1985, с. 95–96). Эти данные подтверждают, что вариации профилировки чаш могут быть хронологически обусловлены. В частности, это касается острореберных сосудов, число которых на Опутятском городище достигает 18% (Голдина, 1985, с. 96). Это городище В.Ф. Генингом датировано второй половиной V – VI вв. и отнесено к харинской культуре (Генинг, 1980, с. 131). Таким образом, выраженное «ребро» по плечу сосудов можно считать элементом, характерным для харинской керамики, хотя острореберная посуда не была преобладающей. Отмечалось также, что для VI–VII вв. более характерны сосуды закрытых форм, а впоследствии преобладали открытые формы (Голдина, Кананин, 1989, с. 58).

Традиционная форма «прикамской чаши» сохранялась и в период родановской культуры, хронологические рамки которой определены В.А. Обориным в пределах IX–XV вв., им же разработана периодизация родановской культуры (Оборин, 1956, с. 84–101; 1999, с. 274–275). Согласно современным представлениям, ранний – лаврятский этап, – датированный IX – серединой XII в., следует почти целиком относить к ломоватовской культуре, смена которой на родановскую приходится на рубеж XI–XII вв. (Белавин, Крыласова, 2016). Как отмечал В.А. Оборин, ранний этап наиболее изучен, в отличие от периода XIII–XV вв., памятники которого единично исследованы раскопками (Оборин, 1999, с. 274). Соответственно, описание

керамики, основанное преимущественно на материалах лаврятского этапа, почти аналогично описанию ломоватовской посуды. В.А. Оборин также делил ее на 3 типа, из которых первые два соотносятся с рассматриваемой «прикамской чашей»: 1 – крупные толстостенные сосуды со слабо выпуклыми стенками, округлым дном, плоским слабо отогнутым наружу венчиком; 2 – чаши и горшки с сильно отогнутым плоским венчиком и относительно выпуклыми стенками, с уплощенным и, иногда, плоским дном (Оборин, 1970, с. 10). Согласно современным данным, полученным, в частности, при многолетних раскопках Плотниковского (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 141–142, рис. 100) и Телячий Брод могильников родановской культуры, сосуды в виде традиционной чаши характеризуются как приземистые, с округлым туловом, имеющим наибольшее расширение в центральной части, с более или менее профилированной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Их отличие от ломоватовских чаш проявляется в уплощенном дне, а в отдельных случаях – плоском, с резким переходом к стенкам, а также в наличии петельчатых ручек, чаще всего – с площадкой сверху. Обычно это небольшие сосуды (0,2–1 л), напоминающие кружку (рис. 6). Известны и более крупные чаши объемом до 3 л, снабженные двумя ручками (рис. 6: 1) (Крыласова, 2007, с. 56–57).

Авторами выделена также форма посуды, сопутствующей традиционным чашам: группа II по Голдиной и Кананину (1989, с. 46), тип 3 (III) по Генингу (1980, с. 121), Голдиной (1985, с. 95), Оборину (1970, с. 11), – сосуды, не имеющие выраженной шейки, *низкие чашки* с вариациями в положении верхнего края – прямого, чуть загнутого внутрь или несколько отогнутого (рис. 7), сохранявшие старые гряденовские формы открытой круглодонной или остродонной чаши (Бадер, Оборин, 1958, с. 149). Такие сосуды немногочисленны (13–15% по Р.Д. Голдиной (1985, с. 96); 9,1% по Р.Д. Голдиной и В.А. Кананину (1989, с. 46)). Чтобы отделить сосуды этой формы от рассматриваемой «прикамской чаши», предложено применять к ним наименование «*миски и плоски*». Миски могли служить как для приема пищи, так и в качестве кухонной посуды – для смешивания блюд, замешивания теста и т.п. А плоски – аналогичной формы миниатюрные

сосуды с диаметром по венчику менее 10 см, напоминающие пиалы, могли быть посудой для питья, не исключено и их использование в качестве светильников-жирников (Крыласова, 2007, с. 51–54, рис. 17).

В период родановской культуры ассортимент форм лепной керамической посуды, сосуществующей с чашами, расширился (рис. 7), о чем в работах В.А. Оборина не упомянуто. Появился новый тип сосудов «*кошелевидной*» формы со слабо профилированными или прямыми стенками с наибольшим расширением у дна. На это указывал М.В. Талицкий: «преобладающей формой местных сосудов в XII в. становится горшок, в точности копирующий привозную металлическую посуду» (Талицкий, 1951, с. 56). Эти сосуды, по материалам Плотниковского могильника XII – начала XV в., по высоте делятся на два типа: 1 – горшки, высота которых равна или превышает диаметр наиболее раздутой части тулова, с короткой резко профилированной шейкой, отогнутым наружу плоско срезанным, приостренным или округлым венчиком и типичной орнаментацией (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 142, рис. 101); 2 – приземистые сосуды без выраженной шейки или с короткой слабо профилированной шейкой, приостренным или округлым венчиком, не орнаментированные (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 142–143, рис. 102). Также распространились *керамические котлы* подцилиндрической или усеченно-конической формы с наибольшим расширением в придонной части тулова, со слабо отогнутым или прямым венчиком, плавно переходящим в тулово, иногда со слабо выраженной шейкой, с уплощенным дном. Котлы с поселений имели объем до 7 л, из погребений – 4–5 л. Характерная особенность котлов – наличие двух ушков, поднимающихся над краем сосуда, в которых крепились железные дужки, аналогичные дужкам медных котлов (Крыласова, 2007, с. 41–42, 0). Единично встречаются *керамические сковороды* (Крыласова, 2007, с. 43).

Характерной чертой средневековой посуды Пермского Предуралья, вне зависимости от формы, является *примесь толченой раковины* пресноводных моллюсков в составе формовочной массы. Иные примеси (органический раствор, песок, дресва, шамот) сравнительно редки. Р.Д. Голдина отмечает некоторое увеличение сосудов с примесью раковины от

ранних к более поздним памятникам (Голдина, 1985, с. 94). В.А. Оборин обратил внимание, что для керамики южных памятников характерна примесь крупнотолченой раковины, а для северных – мелкотолченой в сочетании с растительными примесями, шамотом, песком и дресвой (Оборин, 1970, с. 11).

Посуда на протяжении всей эпохи средневековья изготавливалась методом *ручной лепки*. Небольшие сосуды вытягивались из куска глины, более крупные изготавливались в технике ленточного или лоскутного налёпа. В период родановской культуры при изготовлении посуды начали ограничено применять поворотный столик, по мнению В.А. Оборина, об этом отчасти может свидетельствовать распространение посуды с уплощенными и плоскими днищами (Оборин, 1999, с. 286), иногда наблюдаются следы подправки верхней части сосудов на гончарном круге или поворотном столике.

Обжиг преобладал костровый, о чем свидетельствует неравномерная окраска сосудов. Сосуды имеют различные оттенки коричневого и серого (вплоть до черного) цветов. При анализе керамики Чашкинского II и Запоселье I селищ, включавшей фрагменты посуды обеих средневековых культур, отмечено заметное отличие цветовой гаммы родановской посуды – в ней, за редким исключением, преобладают различные оттенки кирпично-красного цвета (Крыласова и др., 2014, с. 456). Это может подтверждать предположение В.А. Оборина о том, что в родановское время наряду с костровым стали применять *горновой обжиг* (Оборин, 1999, с. 287).

Погребальная посуда в период ломоватовской культуры изготавливалась специально, в подавляющем большинстве в форме «прикамской чаши», обжигалась иначе, чем бытовая: она менее плотная, хрупкая, иногда совсем не обожжена. Очевидно, изготовление и обжиг погребальной посуды составляли особый закрепленный традицией ритуал в рамках погребального обряда, который был неизменным до конца XI века. В период родановской культуры в составе погребального инвентаря наряду с традиционными чашами использовались и другие формы посуды, по обжигу мало отличавшиеся от поселенческой керамики, не исключено использование в погребальном обряде обычной бытовой посуды.

По способу обработки и декоративной отделки поверхности посуду ломоватовской культуры можно разделить на две группы.

К *первой группе* принадлежит посуда *повседневного использования* – тарные и кухонные сосуды среднего и большого объема (рис. 3). Для их отделки обычно использовали только собственные руки и подручные средства, которые подбирались буквально под ногами. Самой характерной особенностью в отделке этой посуды было заглаживание жестким материалом, оставляющим на поверхности «расчесы» в виде неравномерных бороздок. Эта технология способствовала уплотнению стенок сосудов, препятствовала растрескиванию при сушке. В качестве материала для такой обработки исследователями предполагаются щепки, пучки травы (Генинг, 1980, с. 118; Голдина, 1985, с. 94). Согласно выводам, полученным при осмотре под микроскопом керамики средневековых селищ на берегу Чашкинского озера, самым распространенным материалом для заглаживания поверхности были стебли соломы, сложенные кистью, которой производили повторяющиеся «мазки» снизу вверх или по горизонтали. По наблюдениям и экспериментальным путем установлено, что крупные круглодонные сосуды могли лепиться только на форме-основе, от венчика, установленного на плоскости, ко дну. Сначала соломенной кистью горизонтальными движениями заглаживали тулово, затем движениями снизу вверх производили заглаживание шейки, на днище направление «расчесов» обычно бессистемное. После подсыхания поверхности сосуд переворачивали, удаляя форму-основу, и дорабатывали изнутри – по тулову влажной рукой или мягким материалом, по шейке – горизонтальными или вертикальными «расчесами». Иногда бывают исключения в виде изменения направления «расчесов» или использования иных материалов для заглаживания – щепки или гребенчатого штампа (Крыласова и др., 2014, с. 454). Приемы обработки, сохранявшиеся на протяжении длительного времени, свидетельствуют об устойчивых традициях. Подобный характер обработки поверхности типичен для многих финно-угорских культур по обе стороны Уральского хребта, начиная с эпохи раннего железного века.

Орнаментация сосудов первой группы крайне лаконична, зачастую ограничивалась лишь оформлением венчиков, так как повер-

ность, покрытая «расчесами», уже была по-своему декоративной. Плоско срезанные венчики чаще всего оформлялись по внешнему краю *пальцевыми защипами*, встречаются и сосуды с защипами снаружи и изнутри венчика (Генинг, 1980, с. 126; Голдина, 1985, с. 97; Голдина, Кананин, 1989, с. 51). Существовали и иные способы, создающие эффект волнистого края – отпечатки подушечки пальца, торца пальца с отпечатком ногтя, насечки, нанесенные лопаточкой, краем щепки или палочки. Оформление венчиков защипами – типичный элемент оформления бытовой ломоватовской посуды, в XI в. использование этого приема сокращается, а в оформлении родановской посуды не применяется совсем.

Орнаментация по плечу у сосудов первой группы встречается нечасто в виде ряда разреженных отпечатков, расположенных в один ряд. Частый вариант орнамента – отпечатки, нанесенные подушечкой пальца – неглубокие округлые или овальные ямки (рис. 3: 8, 10, 18–19, 34, 36, 39). Нередко орнаментом служил пучок соломы, отпечаток, нанесенный его торцом, напоминает розетку с бессистемными следами стеблей соломы (рис. 3: 15, 17, 38). Встречаются «личинки» – овальные углубления с насечками внутри (рис. 3: 14), которые иногда рассматриваются как вариант гребенчатого штампа. Орнаментом для нанесения «личинок» служила палочка или кость овального сечения с насечками на торце. Иногда отпечатки, напоминающие «личинки», наносились пучком соломы, но в отличие от первого варианта, со стеблями, сложенными в ряд. Оттиски такого штампа схожи с гребенчатыми, но представляли ряд неровных ямок от стеблей разного диаметра и сечения. Иногда применялся и собственно гребенчатый штамп, крупный, с редко расположенными зубцами (рис. 3: 5).

Вторую группу составляют *сосуды среднего и малого объема*, оформленные при помощи специальных орнаментиров (рис. 4). Внешне такая посуда близка погребальной. *Погребальная ломоватовская посуда* (рис. 5), изготовленная специально в особых традициях, определенно, носила ритуальный характер. Можно предположить, что и поселенческая посуда второй группы тоже могла быть не только столовой, но и ритуальной, предназначенной для использования в процессе разнообразных обрядов, сопровождавшихся ритуальными трапедами.

На поселениях сосуды второй группы сравнительно немногочисленны. Их поверхность обычно заглажена мягким материалом, «расчесы» редки. Отличались они, вероятно, и по обжигу, так как если среди сосудов первой группы преобладают оттенки коричневого цвета, то среди посуды второй группы – оттенки серого от белесого до почти черного.

Венчики таких сосудов нередко по краю украшены защипами или насечками лопаткой. Второе место занимает орнаментация оттисками мелкогребенчатого штампа, нанесенными по плоскому срезу венчика в виде наклонных или прямых отпечатков, иногда в виде «елочки». Р.Д. Голдина отметила: «на ранних поселениях среди остальных элементов явно преобладают защипы, а в более позднее время они уравниваются с гребенчатыми оттисками и насечкой» (Голдина, 1985, с. 97, 142). В X–XI вв. наряду с «гребенкой» в орнаментации венчиков использовались «личинки». Единично встречается оформление венчиков наколами палочкой или оттисками поллой косточки в один или два ряда. На памятниках верховьев Камы отмечены единичные случаи орнаментации венчика шнуром в 1–2 ряда (Голдина, Кананин, 1989, с. 51).

В орнаментации венчиков погребальной посуды (рис. 5) есть особенности. Для погребальной керамики не характерно оформление пальцевыми защипами (за исключением ранних могильников – Харино, Агафоново I (Голдина, 1985, с. 142)), столь популярное в оформлении бытовой посуды, а также украшение ямками. Но именно для погребальной посуды свойственны резные насечки по венчику, которые, по мнению Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина, в какой-то мере можно назвать «погребальным узором» (Голдина, Кананин, 1989, с. 54).

На основании анализа техники украшения шеек ломоватовской посуды, Р.Д. Голдиной сделан вывод, что «на всех ломоватовских памятниках большая часть узоров по шейкам сосудов выполнена оттисками гребенчатого штампа (31–58%) и шнура (28–56%)» (Голдина, 1985, с. 142). Композиции из 2–14 горизонтальных *шнуровых линий* покрывают шейку и иногда спускаются на плечико. Встречаются ряды, сгруппированные по 2–3. По наблюдениям Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина, для орнаментации обычно использовался шнур левого витья, при группировке шнура в два ряда – один левого витья, другой – правого

(Голдина, Кананин, 1989, с. 51). При орнаментации могли просто обматывать шейку витым шнуром или использовать прием, предполагаемый исследователями для орнаментации зауральской керамики раннего железного века – шнуром обматывалось пряслице, которое прокатывалось по шейке сосуда (Чикунова, 2000, с. 42). Р.Д. Голдина и В.А. Кананин выделили еще один вариант прокатанного штампа в керамическом комплексе городища Ором, Аверинского IX и Щукинского II селищ – валиком, который прокатывали по стенке сосуда, образовывались пояски мелких вертикальных оттисков (рис. 4: 10–11). По мнению исследователей, такая орнаментация, не характерная для керамики Верхнего Прикамья, была распространена в среде угорских племен Зауралья, на Верхнюю Каму она могла попасть через Печору и Вычегду, где на памятниках ванвиздинской культуры встречается аналогичная орнаментация (Голдина, Кананин, 1989, с. 51). Для оформления шеек применяли и гребенчатый орнамент в виде нескольких горизонтальных рядов (рис. 4: 25; 5: 26) (Белавин, Крыласова, 2013, с. 100–102).

По плечу сосудов наносился орнамент из элементов, расположенных в 1–2 ряда. Наиболее распространенными являются шнуровые или гребенчатые «подковки» (рис. 4: 1–3, 14–16, 22, 29, 31, 38–39, 42, 46; 5: 8–10, 14–15, 18, 21, 27–28, 31), вертикальные или наклонные оттиски гребенчатого штампа (рис. 4: 21, 25, 31, 36, 51; 5: 12, 19, 23), и аналогично нанесенные оттиски «личинок» (рис. 4: 27; 5: 20, 23, 30). Реже с помощью гребенчатого штампа создавали более сложные узоры. Среди них преобладал 1-рядный, реже 2–3-рядный зигзаг (рис. 4: 9, 11, 13, 44, 50; 5: 3, 13, 22), единичны ромбы (рис. 5: 5, 11), «флажки» (рис. 4: 26). Из прочих элементов орнаментации представлены округлые, треугольные или четырехугольные наколы в 1, редко в 2 или 4 ряда (рис. 4: 9–10, 32–35), кружковый узор, полученный путем вдавления поллой трубочки (Голдина, Кананин, 1989, с. 51), выстроенный в 1–2 линии или в виде треугольников (Крыласова и др., 2014, с. 455–456) (рис. 4: 18, 40; 5: 27).

В родановской керамике, кроме упомянутых изменений в форме прикамской чаши, в изменении особенностей обжига, прослеживаются существенные отличия в особенностях декоративной обработки поверхности. Сосуды заглаживались мягким материалом,

характерные для бытовой ломоватовской посуды «расчесы» на поверхности сосудов не прослеживаются. При оформлении венчиков перестали применять характерные для ломоватовской посуды зацепы. Изменилась орнаментация, из которой полностью исчез «шнур». В целом орнаментация родановской посуды характеризуется как «гребенчатая», хотя параллельно достаточно широко встречается и резная орнаментация, иногда образующая общие композиции с гребенчатой. Резной орнамент, который можно связывать с неволинскими традициями, проникшими в среду соседнего населения, вероятнее всего, посредством межплеменных браков, фиксируется и на ломоватовской посуде (рис. 4: 45, 47–48). В период родановской культуры XII–XV вв. можно судить о сохранении каких-то постневолинских традиций, связанных либо с остатками населения, которое в IX в. покинуло территорию бассейна р. Сырва, либо с носителями этих традиций, которые в свое время переселились на территорию формирующейся Волжской Болгарии, а впоследствии вернулись в Предуралье с волной болгарских торговцев и ремесленников, присутствие которых фиксируется на ряде городищ.

В.А. Оборин отмечал «при общем сокращении числа орнаментированных сосудов на поздне-родановской керамике увеличивается разнообразие и смешанность элементов орнамента. Сложные узоры из нескольких сочетаний встречаются гораздо чаще, чем на ранних сосудах» (Оборин, 1970, с. 13).

У посуды с гребенчатой орнаментацией оттиски гребенчатого штампа зачастую украшали и плоский срез венчиков сосудов. На некоторых сосудах горизонтальными оттисками гребенки в несколько рядов украшалась шейка (рис. 6: 5, 10–11, 15, 18, 25, 34) (отметим, что такая традиция существовала параллельно со шнуро-гребенчатой уже в рамках ломоватовской культуры, напр. (Белавин, Крыласова, 2012, с. 207, рис. 79)) или все тулово сосуда (рис. 6: 43). Остальные орнаментальные композиции располагались либо по плечу сосудов, либо, в особенности у сосудов с невыраженной шейкой, – под венчиком. Наиболее простые орнаменты представлены вертикальными и наклонными оттисками (рис. 6: 3, 15, 21, 38, 41), простым зигзагом из одинарных оттисков гребенчатого штампа (рис. 6: 18, 22), двух рядов зигзага, образующих фигуры в виде ромбов. Такие

орнаменты встречаются и на ломоватовской посуде в сочетании со шнуром и без него. К собственно родановским принадлежат узоры из оттисков гребенчатого штампа, сгруппированных по 3 и более, – зигзаги (рис. 6: 5, 8, 10, 21, 23, 33), вертикальные (рис. 6: 20) и горизонтальные «елочки» (рис. 6: 1–2, 4, 14, 39–40, 44), чередующиеся группы вертикальных и горизонтальных оттисков, мелкая косая решетка (рис. 6: 25). Эти орнаменты находят многочисленные аналогии в керамическом комплексе перми вычегодской. Реже встречающийся резной или псевдорезной орнамент композиционно повторяет гребенчатый – те же зигзаги, «елочки», решетки, иногда эти элементы дополняют гребенчатые композиции (рис. 6: 7, 12, 28–30, 32, 34–35).

Для родановской посуды характерны рельефные налепы, нередко сочетавшиеся с гребенчатым орнаментом. В.А. Оборин отмечал: «На позднем этапе функционирования родановской культуры... под влиянием рельефной металлической посуды появились кольцевые налепные валики у горла, овальные или сосцеобразные выступы на стенках...» (Оборин, 1999, с. 287). Первый вариант налепов выделяется в виде рельефного горизонтального валика, размещенного в верхней части сосуда на небольшом расстоянии от горловины, сам валик и пространство вокруг него обычно покрывал орнамент в виде горизонтальной «елочки» (рис. 6: 1; 7). Второй вариант – это вертикальные овальные налепы, помещенные попарно или группами по 3 на плечике сосуда (рис. 6: 6, 25, 33–35) как самостоятельно, так и в составе орнаментальных композиций (Крыласова и др., 2014, с. 457). Еще один вариант рельефных элементов орнаментации родановской посуды – округлые или овальные колечки, которые помещались в ряд вдоль плечика сосуда в сочетании с композициями гребенчатого орнамента (рис. 6: 27). В.А. Оборин при анализе керамики городища Анюшкар отметил, что в верхнем слое значительно увеличивается число сосудов, орнаментированных кружковым орнаментом (15%) (Оборин, 1970, с. 12). Здесь имелся в виду штамп в виде колечка с насечками, напоминающими оттиски гребенки (рис. 6: 18–19). Такой штамп, действительно, встречается на родановской посуде как элемент гребенчатого орнамента, но фиксируется не на всех памятниках, возможно, его использование носило локальный характер. Тем не

менее В.А. Оборин сделал такое заключение: «если кратко определить тип орнаментации родановской керамики, то его можно назвать гребенчато-кружковым. Число кружкового орнамента на поздних родановских сосудах увеличивается и за счет круглых налепов, встречающихся на стенках сосудов» (Оборин, 1970, с. 12).

Таким образом, эволюцию прикамской чаши в период средневековья можно представить следующим образом:

– На протяжении ломоватовской культуры, начиная с харинского этапа V–VI вв. и до конца XI в., наиболее характерной формой сосудов являлись круглодонные приземистые чаши, которые подразделяются на «бытовые» и «ритуальные» (включая погребальные), различающиеся по способу обработки поверхности, орнаментации и обжигу. В форме чаш прослеживается вариативность по степени профилировки тулова, высоте шеек и степени отогнутости венчика, которые, по предварительным оценкам, хронологически обусловлены. Так, для харинского этапа характерны сосуды с выделенным ребром по плечу, для VI–VII вв. – приземистые сосуды прикрытых форм: с наклоненными внутрь, прямыми или чуть отогнутыми шейками. Позднее господствующей стала открытая форма сосудов (Голдина, Кананин, 1989, с. 58), сохранявшаяся до конца XI в. (рис. 7). Таким образом, на раннем этапе ломоватовской культуры формам прикамской чаши была свойственна большая вариативность, а к концу VII в. форма стандартизировалась и прочно закрепилась традицией, вплоть до того, что когда в XI в. распространились детали интерьера с плоскими поверхностями, вместо изменения формы сосудов жители Пермского Предуралья предпочли использовать специальные подставки. Для посуды «ритуального» характера на всем протяжении ломоватовской культу-

туры была свойственна шнуро-гребенчатая орнаментация – с многорядным шнуром по шейке и гребенчатыми элементами по плечу, которая связывается с угорским этническим компонентом. Параллельно существовала чисто гребенчатая орнаментация, свойственная финскому компоненту ломоватовской культуры.

В период ломоватовской культуры единственным типом посуды, сосуществовавшей с прикамскими чашами, являлись низкие миски и плошки (рис. 7).

– В период родановской культуры XII–XV вв. форма «прикамской чаши» изменилась: появились уплощенные или плоские днища, петельчатые ручки. Изменился способ обработки поверхности: исчезла обработка грубым материалом, оставляющим расчесы. Изменился характер орнаментации: полностью вышли из употребления защипы по венчику (и в целом из всех видов орнаментации, наносимой пальцами, остались только защипы по тулову – орнамент, не известный на ломоватовской посуде), исчезла шнуровая орнаментация, гребенчатый орнамент стал более «пышным» и разнообразным, нередко дополнялся рельефными налепными элементами, аналогичные орнаментальные композиции выполнялись и с помощью резного орнамента.

В период родановской культуры значительно расширился ассортимент посуды, кроме существовавших ранее форм появились сосуды с наибольшим расширением у дна («кошелевидные»), котлы, сковороды, а также крышки, светильники и пр. (рис. 7).

Однако такие общие характеристики, как состав теста (с преобладанием примеси толченой раковины), ручной способ лепки, костровой обжиг, приземистая форма чаш, могут свидетельствовать о некоей преемственности ломоватовской и родановской посуды.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. 244 с.
- Батуева Н.С. Керамический комплекс Плотниковского могильника // Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник / Археология Пермского края: свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: ПГГПУ, Музей Археологии и этнографии Пермского Предуралья, 2017. С. 180–184
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X–XI вв. // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье / Мате-

риалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 18 / Отв.ред. Васкул И.О. КНЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми научного центра УрО РАН, 2013. С. 99–105.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Пермь: ПГПУ, 2012. Вып. II. 259 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 28–41.

Васильева А.В., Головчанский Г.П. Керамический комплекс городища Пыскор // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции («Строгановские чтения»). Усолье: УИАМ «Палаты Строгановых», 2004. С. 60–61.

Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии / Отв.ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Уд. кН. изд-во, 1976. С.3–35.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ, 1989. 215 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В. Ф. Генинг Ижевск: УдГУ, 1980. С. 3–66.

Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв.ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1987. С. 67–75.

Казаков Е.П. О взаимодействии болгаро-салтовского и приуральского населения (по материалам керамики Волжской Болгарии) // Ранние болгары в Восточной Европе / Под ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1989. С. 122–132.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаков Е.П. Об этнокультурных истоках круглодонной керамики средневековых памятников Волго-Камья // Проблемы средневековой археологии Волжских финнов / АЭМК. Вып. 23. / Науч. ред. Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 86–95.

Казаков Е.П. К проблеме происхождения керамических комплексов финнов и угров Урало-Прикамья // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии) (Киров, 18-20 октября 1994 г.) / Отв.ред. В. В. Низов. Киров, 1994. С. 60–62.

Казаков Е.П. Волжские Болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: АНРТ, 2007. 208 с.

Кананин В.А. Исследования городища Шудьякар в верховьях р.Камы // КСИА. Вып. 160. М.: Наука, 1980. С. 92–100.

Крыласова Н.Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 3. С. 63–76.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.

Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник / Археология Пермского края: свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: ПГПУ, Музей Археологии и этнографии Пермского Предуралья, 2017. 222 с.

Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. САИ. Вып. III. Пермь: Изд-во, 2014. 565 с.

Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В. Семинское городище – памятник родановской культуры в пределах г. Березники Пермской области // Труды КАЭЭ. Вып. IV. Пермь: ПГПУ, 2007. С. 50–64.

Мельничук А.Ф., Соболева (Кулябина) Н.В. Селище Пеньки – памятник харинского времени на р.Чусовой // Приуралье в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А. А. Тронин. Устинов: УдГУ, 1988. С. 99–109.

Мингалев В.В. Керамика Чазевского I могильника // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / Труды КАЭЭ. Вып. VI. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 125–133.

Оборин В.А. Некоторые проблемы изучения родановской культуры // УЗ ПГУ. Т.ХІ. Вып. 3. Харьков: Харьк.ГУ, 1956. С. 84–103.

Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Памятники ломоватовской культуры / Вопросы археологии Урала. Вып. 9. / Отв.ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1970. С. 3–29.

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв.ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ, 1999. С. 255–298.

Поляков Ю.А. Коновалытское селище // УЗ ПГУ. Т.ХІІ. Вып.1. / Труды КАЭ. Вып.ІІІ. Пермь: ПГУ, 1960. С. 207–218.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. М.: АН СССР, 1951. С. 33–96.

Теплоухов А.Е. Описание коллекции черепков глиняной посуды из чудского селища близ с. Кудымкарского в Соликамском уезде // Зап. УОЛЕ. Т.VІІ. Вып.4. 1884. С.177–184.

Чикунова И.Ю. Керамический комплекс кашинской культуры с Рафайловского селища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды / Отв.ред. В.Р. Цибульский, А.В. Матвеев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 42–44.

Юркова Е.В. Лепная керамическая посуда селища Запоселье I // Археологические памятники Чашкинского озера. / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III / Под ред. М. Н. Афанасьевой. Пермь: ПГГПУ, 2014. С. 530–545.

Информация об авторах:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); главный научный сотрудник, ПФИЦ УрО РАН (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории, археологии и этнографии, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь, Россия); halikov_2011@mail.ru

EVOLUTION OF “PRIKAMSKAYA BOWLS” IN THE MIDDLE AGES²

N. B. Krylasova, A. M. Belavin

Medieval ceramics has distinct characteristic features distinguishing it from the ceramics of the boundary synchronous cultures. The most common form of ware was sculpted squat vessels, or bowls, with a rounded body, convex walls, trochlear neck and outwardly bent straight crown. This form was the most stable one which preserved throughout the Middle Ages. However, the distinctive features of the “Prikamskaya bowls” in the period of Lomovatovo culture of 5th-11th centuries were a round bottom, use of coarse material, “scratches” left by the processing of household dishes, crowns decorated with tucks, and predominance of corded and combed ornamentation in the decoration of ware and ritual utensils, the most typical element of which was “horseshoes”. A flattened or flat bottom, smoothing of the surface with exceptionally soft material, predominance of combed ornamentation with the use of relief molded elements, and presence of looped handles are typical of the bowls of the subsequent Rodanovo culture. However, such general characteristics as the composition of moulding compounds with the predominance of crushed shell admixtures, a manual moulding technique, fire roasting, and preservation of the low shape of the bowls can indicate the continuity of the pottery traditions of Lomovatovo and Rodanovo cultures.

Keywords: Perm Cis-Urals, the Middle Ages, Lomovatovo culture, Rodanovo culture, ceramics, “Prikamskaya bowls”.

About the Authors:

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation. Perm scientific

² The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 17-46-590780 “Economic and cultural outlook of the medieval Cis-Urals (complex study)”.

center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Belavin Andrei M. Doctor of Historical Sciences. Professor. Perm Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; belavin@pspu.ru

Рис.1. Характерный сосуд ломоватовской культуры. Баяновский могильник

Рис.2. Сосуд на подставке, XI в. Рождественское городище

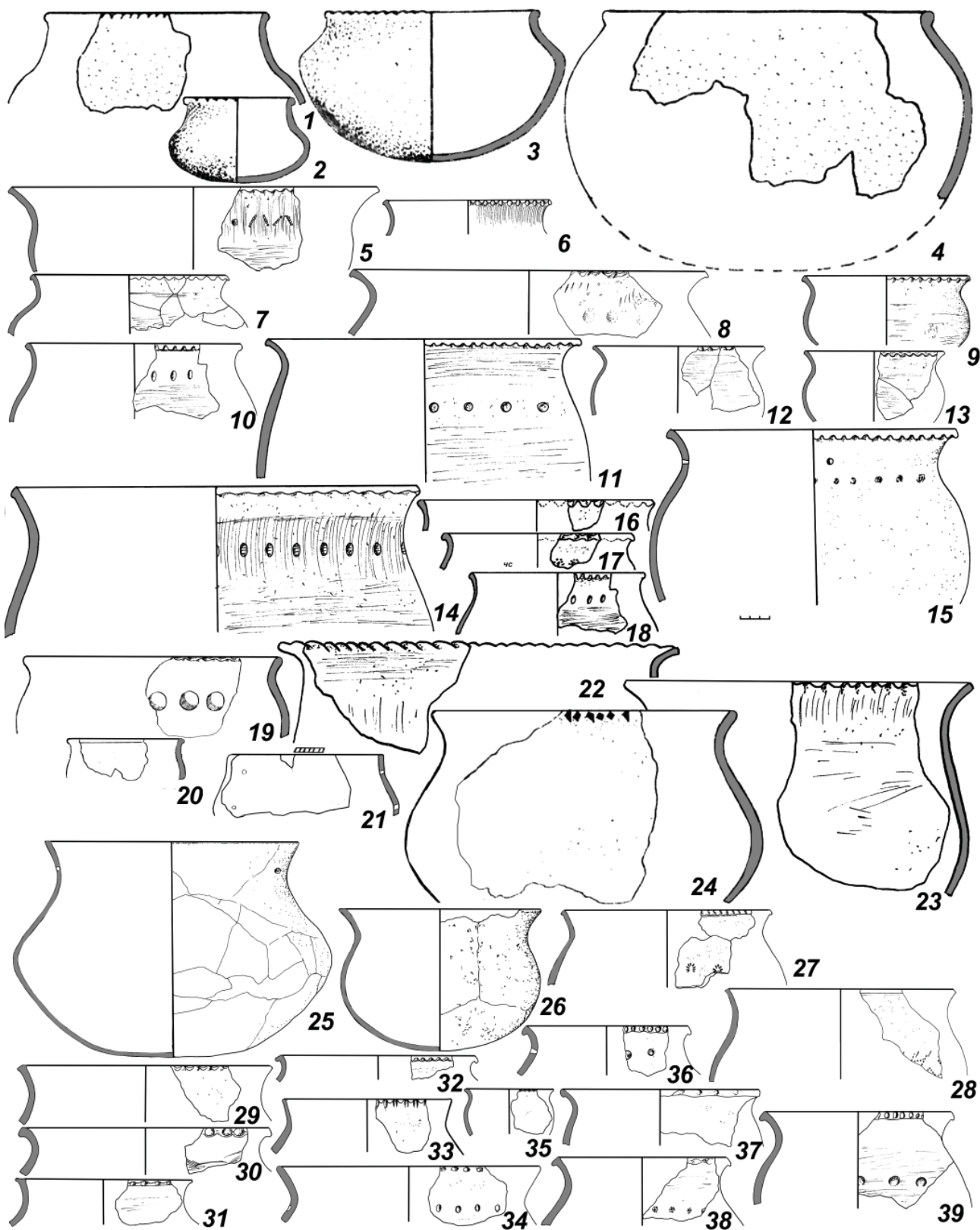

Рис. 3. Бытовая ломоватовская посуда группы I: 1-4 – Опутятское городище; 5-15 – селище Запоселье I; 16-18 – Чашкинское II селище; 19-20 – городище Шудьякар; 21 – Русиновское II селище; 22-23 – Русиновское I селище; 24 – Макаровское селище; 25-28 – Рождественское городище; 29-39 – Лаврятское городище

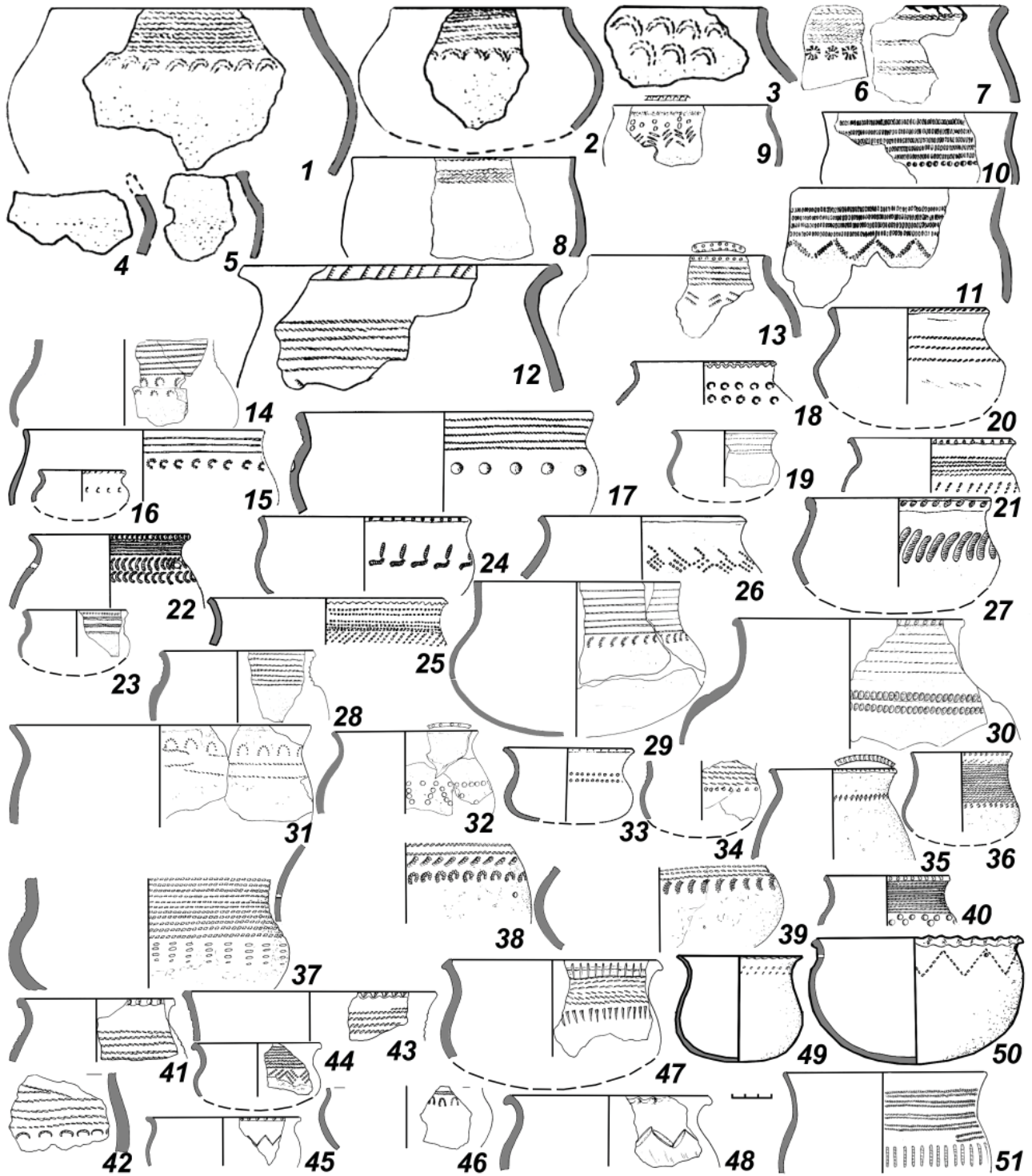

Рис. 4. Орнаментированная ломоватовская посуда группы II: 1-5 – Опутятское городище; 6-8 – Горткушетское селище; 9 – Аверинское IX селище; 10-11 – городище Ором; 12-13 – городище Шудьякар; 14-32 – Рождественское городище; 33-40 – селище Запоселье I; 41-48 – Лаврятское городище; 49-50 – селище Володин Камень I; 51 – Роданово городище

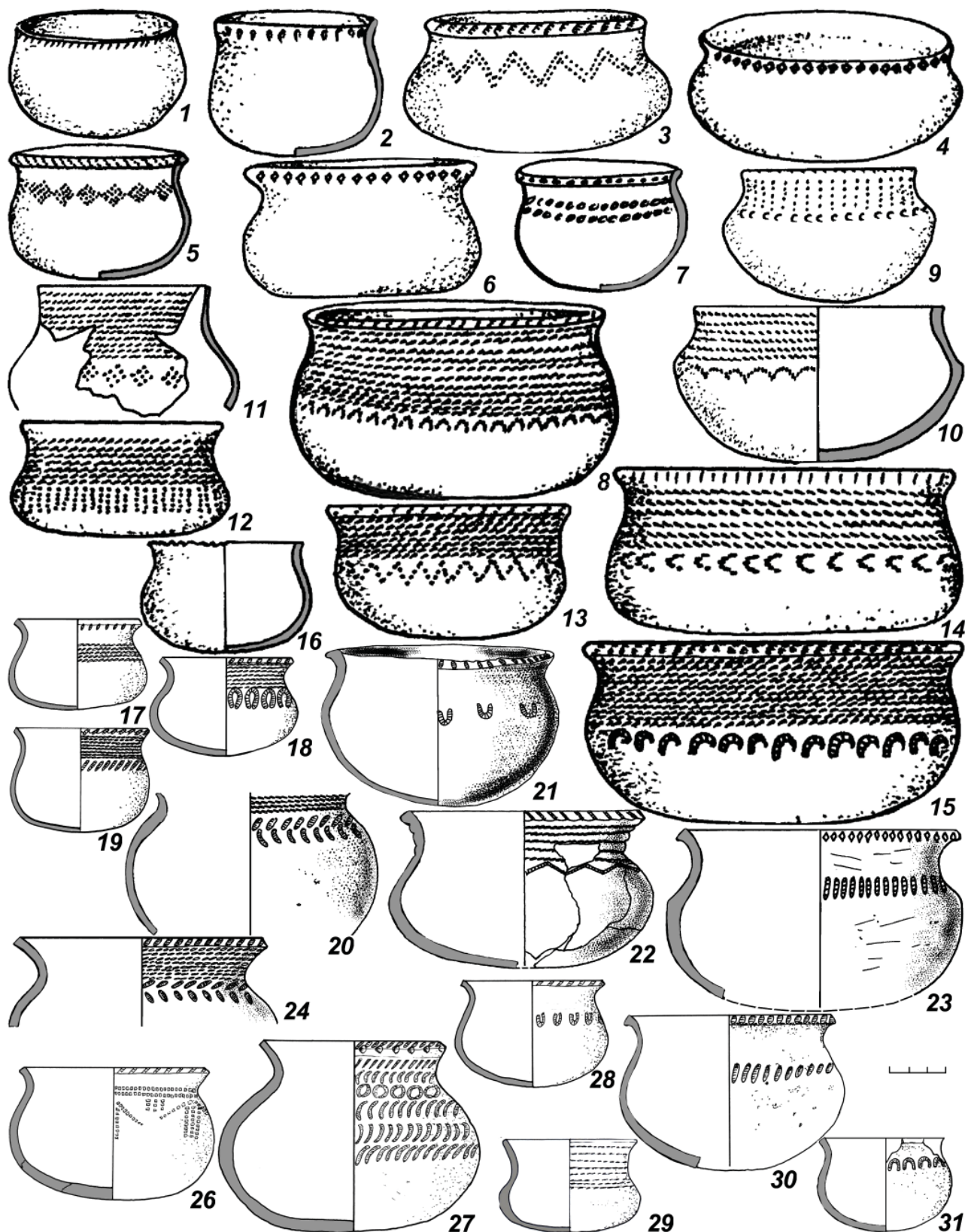

Рис. 5. Погребальная ломоватовская посуда: 1 – Бродовский; 2-3 – Важгортский; 4 – Деменковский; 5-8 – Каневский; 9-10 – Агафоновский; 11-15 – Аверинский II; 16 – Мелехинский; 17-19 – Запосельский; 20-24 – Огурдинский; 25-31 – Рождественский могильники

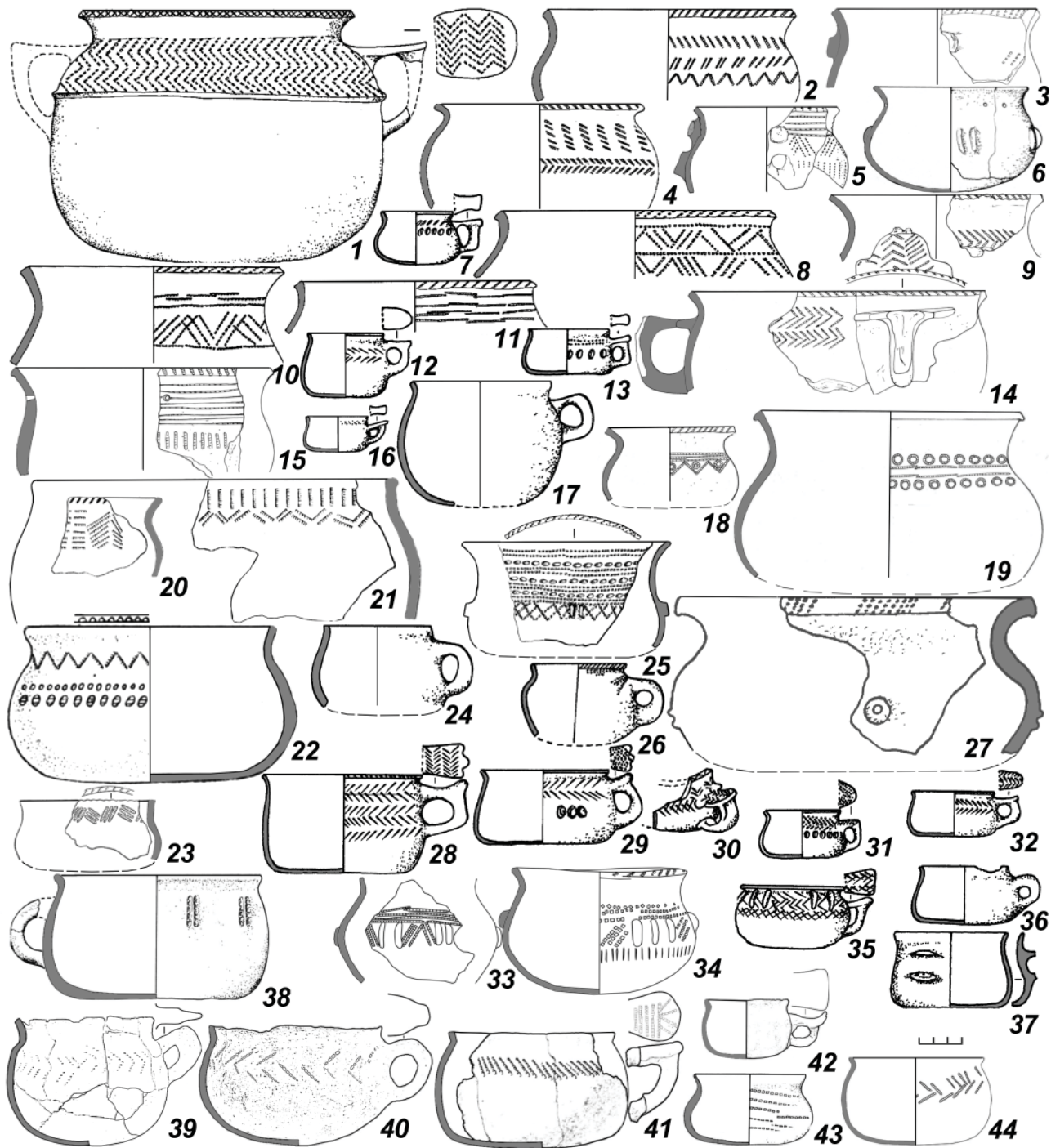

Рис. 6. Родановская посуда: 1-17 – Рождественское городище; 18-19 – Роданово городище; 20-24 – городище Шудьякар; 25 – Редикарское городище; 26 – городище Анюшкар; 27 – Городищенское городище; 28-30 – Саломатовское городище; 31 – селище Телячий Брод; 32 – Антыбарский могильник; 33-34 – Чашкинское II селище; 35 – могильник Телячий Брод; 36-37 – Аверинский I могильник; 38-44 – Плотниковский могильник

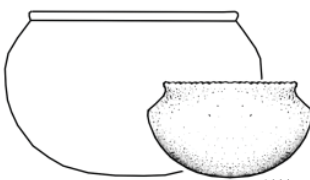
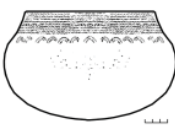

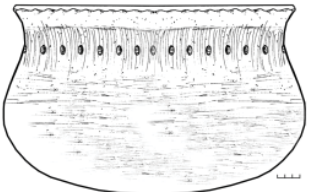

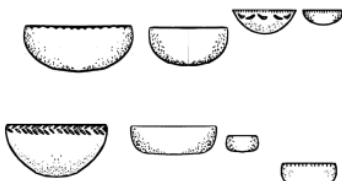

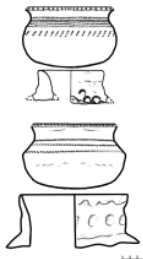

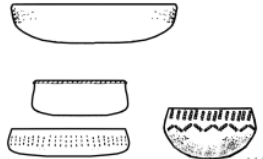

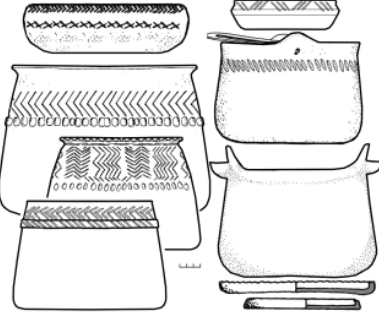
		I	II	Погреб-я	Сопутствующие формы посуды
Ломоватовская	V-VII вв.				
	VIII-X вв.				
	XI в.				
Родановская	XII-XV вв.				

Рис. 7. Схема эволюции «прикамской чаши»